

Либаний. 1916: Посольское слово к Юлиану
// Речи Либания. Т. II / С. Шестаков (пер.). Казань, 210-230.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

кто умерли въ рабствѣ. Имъ измѣняетъ ихъ общественное положеніе мужъ, начавшій дѣло освобожденія съ себя самого и не допустившій владычеству похотей водвориться въ душѣ, 102. И они въ выгодѣ сравнительно съ освобожденными отъ рабства въ другихъ мѣстахъ величіемъ консула, а изъ тѣхъ, что освобождены при консулахъ, добавленіемъ титула императора, въ свою очередь изъ тѣхъ, что при государяхъ, превосходствомъ нынѣшняго.

Такъ не видали торжества, подобнаго здѣшнему, ни очи людей, ни боговъ.

Посольское слово къ Юліану (orat. XV R).

1. „Ты явился, свѣтitez Телемахъ“. До сихъ поръ мнѣ должно использовать стихъ, но дальнѣйшее Евмею подходило сказать, а мнѣ уже нѣтъ, такъ какъ „увидать тебя я обѣщаль себѣ“, при томъ и побѣдителемъ, и сладившимъ со всѣми тѣми предпріятіями, о которыхъ всѣ твердятъ.

2. Будь же увѣренъ, что мысль всѣхъ, всѣ рѣчи отъ прежде прославляемыхъ ты заставилъ обратиться вмѣсто нихъ на себя и на событія до троянской войны¹⁾, ни самая эта десятилѣтняя война, ни подвиги грековъ на морѣ противъ предка нынѣшняго персидскаго царя, ни тѣ, какіе свершилъ, напавъ на нихъ въ пору упадка, Александръ, ни одинъ изъ нихъ ни вниманія не занимаетъ, ни рѣчи не привлекаетъ кого л. изъ людей, но всѣ, оставивъ все это, какъ маловажное, интересуются настоящимъ и радостно слушаютъ и говорятъ тотъ объ отвагѣ, этотъ о вторженіи, третій о морскомъ наступленіи, четвертый о падшихъ въ рукопашномъ бою, пятый о сидѣньяхъ, хитростяхъ, борьбѣ.

3. И такъ за это великая благодарность богамъ, которые тебя доставили до варвара, и показали тебя сильнѣе противника, и благополучно вернули; но я молюсь тѣмъ же богамъ и мнѣ даровать нынче успѣхъ, чтобы не уйти мнѣ отсюда съ посмѣяніемъ; я и одержалъ бы побѣду, если бы убѣдилъ тебя, а вѣрнѣе, если бы убѣдилъ, твоя будетъ побѣда, который сложилъ гнѣвъ. 4. И такимъ именно образомъ ты присоединишь побѣду въ побѣдѣ, къ побѣдѣ оружіемъ побѣду кротостью, молитъ коей послалъ меня сейчасъ городъ, несчастный, если хочешь, опрометчивый, городъ, радующійся твоимъ тро-

феемъ, но пристыженный своими винами. Выборъ меня опредѣлялся не тѣмъ, чтобы я выдавался среди прочихъ родовитостью, не тѣмъ, что я былъ старшимъ по возрасту, не обиліемъ литургій моихъ, не тѣмъ, что не могли держать рѣчи прочіе.—Есть, есть у насъ люди, воспитанные и образованные въ словесномъ искусствѣ и способные вести бесѣду по государственнымъ дѣламъ. 6. Но на это посольство меня выдвинулъ, во первыхъ, долгъ, каковымъ обязаны ученики передъ своими учителями. Они пронились убѣжденіемъ, что ты мой ученикъ, при чемъ не я позволилъ себѣ тщеславиться этимъ предъ городомъ, но это мнѣніе создало сходство нашихъ рѣчей и даже оракулы не въ силахъ были бы измѣнить этого мнѣнія, что ты создаешь такія произведенія, не меня имѣя образцомъ. 7. Вотъ то одно, что сосредоточило вокругъ меня и утвердило на мнѣ надежды, что ты уважишь родство словеснаго искусства; другое же это то, что ты цѣлое лѣто и зиму оказывалъ мнѣ честь, постоянно призывалъ, посылая за мной, отправляя письма, радуясь, когда я держалъ рѣчи, досадуя на меня, когда я молчалъ. Знали отлично и ту безснницу, какая съ тобой привлѣчилась какъ то, когда предстояло мнѣ держать рѣчь, изъ за случайностей, какія бываютъ при такихъ публичныхъ выступленіяхъ. 8. Что касается вопроса о хлѣбѣ, благодаря коему существуетъ еще у насъ городъ,—вѣдь если бы ты тогда не далъ его, вмѣстѣ и обвиняя, и спасая, теперь городъ стоялъ бы безлюднымъ¹⁾),—такъ за столь великое благодарѣніе ты велѣлъ имъ, когда они уходили, мнѣ быть благодарными, что они и исполнили, пришедши и называя счастливыми меня и себя, меня, за почетъ, себя за помощь. Зналъ это, имъ нечего было вызывать посла со стороны, и не приходилось забыть о старикѣ, пролившемъ слезы, томъ, котораго другой старикъ считалъ преимущественно передъ другими способнымъ устроить примиреніе. 9. Итакъ они естественно избирали меня, полагая, что такимъ путемъ или добьются того, зачѣмъ посылаютъ, или, если не это, то хотя бы не дадутъ мѣста обвиненію, что не усмотрѣли должнымъ образомъ, кого нужно было послать. А я тотчасъ по-

¹⁾ *σάματα* о людяхъ, индивидахъ, см. pg. 30, 12; 251, 15; 425, 6; 436, 9; 462, 10; 486, 12; vol. III pg. 362, 20; 435, 14.

блжлся, государь, и заявилъ, что скорѣе все другое сдѣлаю, чѣмъ это, памятуя, что ты приказалъ мнѣ избѣгать защиты города, такъ какъ ни самъ ты не послушаешь, ни мнѣ не подobaетъ уйти безъ успѣха. 10. Но когда сограждане, тогариши по школѣ и родственники стали осаждать меня, стенали, плакали и перечисляли подвиги въ защиту города моихъ предковъ, указывали на могилы матери, отца и еще старшаго поколѣнія, и старыхъ поклонниковъ, и недавнихъ, а, государь, представивъ себѣ, что и они стоятъ около меня вмѣстѣ съ просителями, и то молятъ, то укоряютъ за мѣшкотность, и ихъ уваживъ, и Ериній побоявшись, которыя, нужно полагать, негодуютъ за пренебрежаніе отечествомъ, какъ, конечно, родителями, и впередъ этого, побоявшись твоего мнѣнія, чтобы ты не счелъ меня злымъ, нечестивымъ и предателемъ лицъ, самыхъ чтимыхъ, подъ всѣми этими побужденіями пришелъ къ увѣренности или, вѣрнѣе, къ необходимости внять плачущимъ. 11. Но что же мнѣ было дѣлать? Прогнать просителей? Прикидываться, что не слышу ихъ словъ? Что не вижу ихъ передъ собою? Когда они меня обступятъ, отскакивать? Убѣхать въ деревню? Оставить ихъ одинокими, когда солнце взираетъ на это съ высоты, когда земля можетъ разступиться? 12. И какое же могло быть благовидное основаніе для подобной низости? Что государь суровъ и неприступенъ нравомъ и умѣетъ взыскивать за вольное слово? Но они знали мою изъ за нихъ же самихъ свободу слова передъ тобою, съ раннаго вечера заходившую неразъ до полуночи, вслѣдъ за чѣмъ нѣкоторые изъ друзей, побоявшись за нее, какъ выходящую изъ мѣры, удерживали меня, а ты останавливалъ ихъ въ этомъ, полагая, что подобаетъ царю и достоинство твоего двора требуетъ не надъ молчаливыми властвовать, но одерживать верхъ надъ людьми, открыто выражающими свои убѣжденія. 13. А когда открыта для откровеннаго слова такая безопасность, нѣтъ никакого оправданія молчанію. Человѣку, которымъ ты увлеченъ и котораго считаешь въ числѣ друзей, быть уличеннымъ въ негодности, свѣрности, жестокости и варварствѣ не годилось бы и въ отношеніи къ тебѣ, государь.

14. Вотъ почему я являюсь ходатаемъ и прошу тебя не прерывать отвѣтомъ своимъ моей рѣчи и не противопоставлять моимъ силамъ эту свою необоримую мощь слова. Тебѣ слѣдуетъ сегодня больше проявить свое чистосердечіе, чѣмъ

краснорѣчіе. Чего я молю и чего мы хотимъ достигнуть, подражай, государь себѣ самому и сдѣлай вторую остановку подобною прежней. 15. Ты остановился у насъ на пути своемъ съ запада; остановись и теперь, на возвратномъ пути отъ побѣжденныхъ. Городъ нашъ издавна является замовною императорамъ. Пусть же останется обычай для зимы. 16. Нѣтъ у насъ красоты зданій,—того не дозволило старое своеволие персовъ, которое примѣняло пожаръ къ тѣмъ, кто оказывали имъ отпоръ. Но есть большое заселенное пространство, достаточное и для гражданъ, и для метековъ, и пришлого люда, и государя, и войска, всякія ремесла и множество купцовъ, и источники, и рѣва, и мягкая зима и лѣто, не удручающее, и земля, при извѣстныхъ условіяхъ, много несущая всякихъ продуктовъ, что исходятъ отъ Зевса.

17. Имѣя это въ виду, мнѣ кажется, вы, императоры, во время войнъ своихъ съ варварами, зимуете здѣсь, такъ какъ городъ, по вашему мнѣнію, обладаетъ достаточными средствами выдержать тяжесть предпріятія, а за прочіе, проходя черезъ нихъ, вы даже безпокойтесь, смогутъ ли снести это бремя. Вѣдь нашъ городъ похожъ на большое, крѣпкое ¹⁾ судно, огромной подъемной силы, а другіе можно уподобить челнамъ, которые потопишь, если потщишься нагрузить на нихъ большую тяжесть. 18. И такъ сейчасъ мы явились проса, какъ милости, этой повинности, такъ какъ считаемъ презращеніе ея наказаніемъ себѣ. Дѣло въ томъ, что, получивъ съ давнихъ временъ попеченіе объ этомъ предметѣ, мы жаждемъ пребыванія царя, какъ кормилицы, съ теченіемъ времени, считаютъ себѣ утѣхой уходъ за дѣтьми и плачутъ, когда кончится время кормленія. 19. И такъ, если бы слава наша текла благопріятнымъ путемъ, не было бы тобою приготовлено другого мѣста, не понадобилось бы много рѣчей прибывшимъ, но выразивъ свою радость и прибѣгнувъ къ обычнымъ кличамъ народной толпы, мы съ пляской, руюплексканіями и прыжками повели бы тебя къ городу. Но такъ какъ наша репутация впала въ худшую славу и представляется, что мы служимъ съ неохотой, и одно упустили изъ

¹⁾ Förster, ad loc., допускаетъ, что эти два прилагательныхъ—гlossenъ къ *μυροφθωρ*.

виду, другому нарочно противимся, а самое возмутительное, устроили неладный танецъ и однимъ праздникомъ воспользовались какъ поводомъ къ позорной процессіи, остается рѣчью помочь тѣмъ, кто впади въ подобныя вины.

20. Скажу не то, что слышалъ изъ устъ другихъ, при чемъ слова ихъ сопровождались рыданіями. Что же это за рѣчи, которыя я пропускаю: „Кто знаетъ за нами какую либо обиду? Пусть выступить и уважить, и, прекративъ клевету, обличить открыто. Въ чемъ было упущеніе? Въ чемъ состояли злыя умыслы? Что стало жертвою нашей бездѣятельности? Что погублено нашей недобросовѣстностью?“

21. Императоръ не безъ основанія сбавилъ рыночныя цѣны, а земля, производительность коей пострадала отъ засухи не могла изобиліемъ своимъ поддержать законъ, запрещеніе же повышенія барыша разстроило торговлю. Но мы отправляемъ повинности, а не торговцы въ розницу“. Не такое оправданіе приношу я съ собою. Кого ты осудишь, государь, тому надлежитъ быть виновнымъ, и въ моихъ глазахъ, и, разъ ты скажешь: „Этотъ преступецъ“, таковъ и мой приговоръ.

22. На какомъ же основаніи я вызволяю отъ опалы и опасности городъ, который не могу назвать правымъ? Есть нѣкое древнее положеніе, ниспосланное богами, чтимое еллинами, многихъ спасшее въ судахъ, положеніе, коему и ты множество разъ давалъ силу. Тебѣ уже приходилось раньше изречь прощеніе и ты призналъ будущее слово ¹⁾, обозначаемое коимъ дѣло ты выполнялъ нерѣдко.

23. Мы погрѣшили, сознаемся, и оплошали въ исполненіи твоей воли. Одни изъ насъ нерадиво слѣдили за наказаниями, другіе совѣмъ бездѣйствовали ²⁾, третьи позарились на наживу. Допустимъ. Что же? Изъ за этого городу быть виновнымъ? И доля прощенія не придетъ на помощь тѣмъ, кого постигла слабость человѣческой природы, когда они увлеклись сверхъ мѣры? И гдѣ же превосходство боговъ надъ людьми, если мы будемъ требовать и отъ послѣднихъ не погрѣшать ни въ чемъ? Какой городъ, какой народъ, какой человѣкъ

¹⁾ Срв. § 70.

²⁾ *καθεύδω* срв. т. I, стр. 133, прим. 2.

въ состояніи будетъ спастись, если такая строгость простерта будетъ на всѣхъ?

24. Итакъ, если слѣдуетъ изъять изъ жизни прощенье и все сурово выслѣживать и пойманному на какомъ л. проступкѣ подвергаться наказанію, пусть остается ненависть и называй городъ ненавистнымъ, если же теперь, какъ никогда, подобаешь быть въ силѣ¹⁾ этому убѣжищу, почему мы одни изъяты отъ этихъ благъ времени?

25. Я соображаю, сколько условій дѣлаешь тебя гуманнымъ. Во первыхъ, ты еллинъ въ вѣкоторомъ родѣ и властвуешь надъ еллинами²⁾. Такъ пріятнѣе мнѣ называть то племя, которое является противоположностью варварамъ и не упрекаетъ меня за это поколѣніе Энея.

26. Варваръ гордъ своимъ бѣшенствомъ и свирѣпостію, подражаніемъ звѣрямъ, убивая за трапезой единоплеменника и предаваясь попойкѣ при трупѣ, и если кто станетъ молить его, одинъ не достигаетъ ничего, другой даже душе раздражаетъ его. Но нашимъ величайшимъ рвеніемъ служить какъ можно больше отличаться отъ звѣрей и гнѣвъ смягчается слезами и выпучая ярость погашается плачемъ и память о причиненномъ злѣ прогоняетъ видъ стыдящагося отъ своего поступка обидчика.

27. При такомъ складѣ нашего рода въ равной мѣрѣ намъ надлежитъ быть гуманнѣе варваровъ, а твоей душѣ — насъ прочихъ. Почему? Потому что тебя не учили охотники, беря тебя съ собою, когда ты сталъ подростать, поражать звѣрей, проводя большую часть времени въ рощахъ, на горахъ, въ стремнинахъ, въ схваткахъ съ львами и кабанами, но лакедемонецъ, жрецъ справедливости, руководитель воспитанія, звавшій, какъ никто, тайны души Гомера и всего хора вокругъ Гомера, котораго ты воспринялъ въ юности, какъ естественно человѣку такого возраста, знаешь теперь, какъ естественно философствующему.

28. Также и всѣхъ риторовъ и историковъ, сообщающихъ о многихъ событіяхъ, чей трудъ не оставилъ неизвѣданнымъ ничего изъ древнихъ временъ, ты усвоилъ, въ до-

¹⁾ ἀνδρείῳ срв. т. I, стр. 16, 1.

²⁾ κολοφῶν см. т. I, стр. 242, 1. стр. 298, 2.

полненіе къ пользѣ отъ поэзіи. А завершеніе всего—питомцы боговъ, Сократъ, Пифагоръ, Платонъ и тѣ потоки, которые отъ нихъ излились, ни одинъ изъ воихъ не остался внѣ твоего разума, гдѣ водворившись, они сдѣлали его прекраснымъ и благороднымъ, какъ педотрибы тѣло. Они требуютъ сегодня отъ тебя милосердія ко мнѣ, какъ земледѣльцы отъ земли плодовъ.

29. Есть нѣкіе взыскатели, заслуживающіе еще болѣе этихъ, чтобы ихъ уважили. Кто же они? Тѣ, чтѣ обитаютъ на Олимпѣ, вѣрнѣе съ тобою живущіе, боги и демоны, другу которыхъ необходимо склоняться къ милосердію. Вѣдь у нихъ съ тобой общеніе не въ тѣхъ только предѣлахъ, чтобы имъ принять жертву и увѣдомить о чемъ л. изъ сокрытаго посредствомъ полета птицъ или закланія агнать и не въ предѣлахъ только прорицанія, но сколь тѣсны наши сношенія другъ съ другомъ, таковы же и у тебя съ ними.

30. Они и спящаго поднимаютъ тебя съ ложа, тронувъ рукою, сообщаютъ и о времени засады, и похода, и мѣстѣ постройки войска, и куда надо выступать, и откуда уйти. И одинъ ты видѣлъ образы ихъ, счастливый созерцатель блаженныхъ, и одному тебѣ досталось на долю услышать голосъ боговъ и, поднимаясь, говорить каждому, по Софоклу, то: „О, гласъ Аѳины“, то: „О, гласъ Зевса“, то Аполлона, Геракла, Пана, всѣхъ боговъ и богинь.

31. Удостоенный такого товарищества и общенія и располагая такими у себя дома, съ воими ты совѣщаешься о дѣлахъ, ты, вполне очевидно, сходствомъ нрава привелъ ихъ къ себѣ, въ одно и то же время въ покровители себѣ и въ друзья. А вѣдь изъ нихъ была и та, которая сдержала Ахилла въ гнѣвѣ, когда, сокрытая для прочихъ, одна зрима была одному тому, ради кого явилась.

32. Да и Зевсъ—не только низвергающійся (громомъ и молніей)¹⁾, но также Зевсъ просителей и умилостивляющій²⁾. Слѣдовательно, свершивъ дѣло поражателя по отношенію къ варварамъ, что было справедливо, намъ будь милостивцемъ и прими моленія, такъ какъ и у варваровъ ты подражалъ той

¹⁾ *καταβάτης*—эпитетъ Зевса—варателя.

²⁾ *Μειλίχιος* см. т. I, стр. 462 (ер. 1429 б).

и другой силѣ бога, низвергаясь подобно молніи на тѣхъ, кто становится на встрѣчу¹⁾, но не направляя оружія на умоляющихъ. Они въ настоящее время находятся въ положеніи, настолько измѣнившимся, что получили взамѣнъ одной территоріи другую, такъ что всего прежняго, также страха передъ ними и ихъ своеволія нѣтъ, и ихъ кормятъ и заботятся о нихъ вблизи укрѣпленій, которыхъ они срыли.

33. Ради боговъ, когда Ахиллѣ, слыша о натурѣ Просьбѣ и о томъ, что и „сами боги доступны смягченію“, продолжаетъ сохранять гнѣвъ, развѣ ты не негодуешь на него, не смотря на свою любовь къ воину, если, принадлежа по происхожденію къ богамъ, онъ не подражаетъ тѣмъ, отъ кого произошелъ, но самъ, зная, что повальная болѣзнь дѣло Аполлона, склоняетъ Агамемнона къ жертвамъ, въ увѣренности, что подобной мѣры достаточно для перемѣны обстоятельствъ, но для себя не считаетъ возможнымъ положить конецъ гнѣву за столько и такихъ значительныхъ даровъ, и при томъ имѣя близкимъ примѣромъ этого бога, недавно губившаго войско недугомъ, а, немного спустя, примиреннаго по прибытіи еэоровъ и послѣ ихъ жертвоприношенія? 34. Какъ тогда богъ поступилъ около Иліона, самъ онъ и прочіе ежедневно еще и теперь поступаютъ, оказывая пощадку погрѣшившимъ, но прибѣгшимъ къ молитвамъ. А если бы они послѣ каждаго проступка, допущеннаго людьми по ихъ простотѣ, сохраняли гнѣвъ свой прочно и ничто не въ силахъ было бы примирить ихъ, города опустѣли бы, такъ какъ лишь совсѣмъ немногіе избѣжали бы ихъ стрѣлъ. Но, полагаю, мы и погрѣшаемъ, и умоляемъ, и спасаемся. И богоподобнымъ какъ разъ является не тотъ, кто похожъ на боговъ наружностью,—это невозможно,—но тотъ, кто, готовый къ благодѣянію, не стремится всюду къ отместкѣ. 35. Поэтому мы досадуемъ на гнѣвъ Ахилла и считаемъ себя въ обидѣ вмѣстѣ съ тѣми послами, которымъ не удалось убѣдить его, и радуемся, видя Пріама у него, въ палаткѣ, трапезующимъ съ нимъ, и не встрѣчающимъ неудачи ни въ одномъ предметѣ своихъ стараній. И мы считаемъ этого Ахилла истиннымъ сыномъ Ѳетиды и членомъ дома

¹⁾ ἀντιβλέποναι срв. orat. LIX, § 81, т. I, стр. 417—18.

Эака, а того, который съ охотою отдается гнѣву, знаешь чьимъ сыномъ назвалъ и горячо любящій его Патроэль.

36. „И ихъ“ (боговъ), говоритъ Гомеръ, (чтутъ) „жертвами и вроткими мольбами“, а тебѣ, будетъ пора, будутъ приносить жертвы люди, и жертвенники воздвигнуть, и молиться станутъ, какъ Гераклу,—естественно ревнителю подвиговъ его получить тѣ же почести, а теперь тебѣ отъ насъ вмѣсто жертвъ, дыма и чада,—наша смиренная поза, моленіе, слезы. Кивни¹⁾, ради Аѣины, городъ коей ты жаждешь узрѣть, какъ каждый изъ Римовъ²⁾, рядомъ съ собственнымъ отечествомъ и тѣмъ городомъ, который стаяжалъ эту большую часть нашего государства, восхизаясь Аѣинами.

37. Итакъ сообрази, что славны тѣ подвиги этихъ аѣинянъ, морскія битвы, гдѣ успѣхъ предвѣщается оракулами, битвы, склоняющія варваровъ довольствоваться своими старыми границами, а скорѣе принуждающія ихъ сѣуживать границы, но самымъ доблестнымъ съ ихъ стороны является состраданіе къ несчастнымъ, изъ за котораго они вступали въ борьбу съ другими за тѣхъ, кто были недавно ихъ противниками.

38. Сильно страдали они отъ рукъ ѡванцевъ. Впослѣдствіи они поспѣшили въ Галартъ, чтобы освободить ѡванцевъ. Не меньше бѣдствій испытали они отъ коринѣянъ и помогали коринѣянамъ, когда ихъ притѣсняли. Они и Спарту спасали послѣ Критія и Драконтида, разрушенія стѣны, увоза тріеръ, многихъ казней ядомъ, изгнаній, того извѣстнаго голода и избіенія. Черезъ опустошенный Елевзийъ они явились въ Пелопоннесъ, съ цѣлью не допустить гибели Лакедемона.

39. Тѣмъ, которые у себя дома чтли, какъ бога, Состраданіе, жертвенникъ коего ты видѣлъ въ Аѣинахъ, невозможно было помнить о проступкахъ людей, ихъ призывавшихъ и молившихъ, но надо было или опрокинуть жертвенникъ или примириться. Возьми же примѣръ съ города, славу коего составило его состраданіе къ своимъ обидчикамъ. Вѣр-

1) *νεῦσον* срв. стр. 314 orat. XIV § 66, pg. 414 *νεῦσον*, *ὡς θεία κεφαλή*.

2) См. томъ I, стр. 143, 1.

нѣе, послѣдуй примѣрамъ собственнаго милосердія, сильнѣе довода не могъ бы я выразить.

40. Дѣйствительно, если бы тебѣ еще не приходилось сносить терпѣливо безуміе подданныхъ, а бы сказалъ тебѣ о Ксерксѣ, отпустившемъ соглядатаевъ, отпустившемъ тѣхъ лицъ, что были присланы за вѣстниковъ, узрѣвшаго заклатаго врага своегоThemistocle, словно друга, и къ безнаказности его добавившаго еще одареніе его городами Лампсакомъ, Міунтомъ, Магнесіей, послѣ тѣхъ знаменитыхъ морскихъ битвъ, и меньшихъ, и той, коей ничего подобнаго не бывало, той, изъ за которой Саламинъ былъ привѣтствованъ пріойскимъ богомъ, какъ божественный¹⁾. И это было, мнѣ кажется, дѣломъ его великодушія, не оплатой возлагавшихся Ксерсомъ на Themistocle надеждъ, что онъ поработитъ ему еллиновъ. На измѣнника собственной родинѣ онъ не могъ рассчитывать, что онъ будетъ добросовѣстенъ въ отношеніи къ варвару. 41. вмѣстѣ съ Ксерсомъ назвалъ бы я тебѣ и молосса Адмета, который съ величайшимъ удовольствіемъ захватилъ бы этого человѣка, чтобы убить его, но, заполучивъ его и имѣя у себя, не отдалъ тѣмъ, кто требовали его выдачи, и устроилъ его переѣздъ къ тѣмъ. къ кому онъ хотѣлъ уѣхать. 42. Я бы подробно рассказалъ и о Филиппѣ, сынѣ Аминты, и объ Александрѣ, сынѣ Филиппа, изъ коихъ одинъ, овладѣвъ аеинами, везшими домой Аргея, отпустилъ, словно благодѣтелей своихъ, не пожелавъ удержать ничего изъ добычи, которая досталась ему отъ побѣды, а Александръ, которому много повредили риторы въ Аеинахъ, и разстроивавшіе дипломатическія отношенія, и народную массу возбуждавшіе, и его обзывавшіе Маргитомъ, и оскорблявшіе, и презиравшіе, казнилъ бы ихъ, еслибъ хотѣлъ, ставъ полновластнымъ владыкою, но, принявъ посольство, оставилъ и далъ такую милость Демаду, сыну Демея.

43. Объ этомъ и о многомъ другомъ я напомнилъ бы, если бы ты не совершилъ уже болѣе доблестнаго поступка, чѣмъ они. Теперь же ты освободилъ меня отъ собиранія древнихъ примѣровъ, уже бывъ самъ въ числѣ таковыхъ, къ чему

¹⁾ Срв. т. I, стр. 209.

сейчас приступаемъ. Развѣ не этотъ самый человѣкъ людей, заострившихъ на него мечи и составившихъ на него заговоръ, гдѣ и когда надо искоренить общее благополучіе, уличивъ ихъ, высказалъ имъ порицаніе, но жизни не лишилъ ихъ, чѣмъ и поразилъ вселенную больше, чѣмъ своими трофеями? Тогдашнему милосердію было правиломъ сносить проступки подданныхъ. Сохрани же мнѣ это правило нетронутымъ и къ тому, что принесло тебѣ похвалы, прибавь новые къ нимъ поводы.

44. Вѣдь ты заключишь миръ съ городомъ не цѣлкомъ негоднымъ и извѣстнымъ своей отчаянностью, дерзостью, наглостью и самыми северными свойствами, но, если позволяешь сказать, впервые въ этомъ обвиненнымъ. Поэтому я и далъ себя уговорить ходатайствовать за него, полагая, что прежняя его дѣятельность послужить извиненіемъ за послѣдній поступокъ, такъ какъ и изъ людей самого безсовѣстнаго и считающаго злобу полезнѣе снисходительности надо ненавидѣть и губить ради всей жизни, а тому, кто вообще умѣренъ, но впалъ въ провинность, всякій естественно склоненъ сочувствовать и помогать.

45. Этотъ городъ, оставляя въ сторонѣ болѣе древнія времена, узнавая о твоихъ битвахъ и побѣдахъ на Рейнѣ, отдѣланности твоихъ рѣчей и прочихъ достоинствахъ, публично богамъ не молился, чтобы страна стала твоею, —этого и нельзя было, —но каждый про себя или группами изъ тѣхъ, кто того желалъ, не переставали молить Зевса прекратить то, что губило государство, и даровать державу тому, отъ кого ждали спасенія.

46. Когда же изъ Киликіи приходила то та, то другая молва, они блѣднѣли при той, которая поминала о здоровьи, иная же была праздникомъ, при чемъ они исподтишка кивали другъ другу въ знакъ удовольствія.

47. Не такъ люди въ трудномъ плаваніи возжелаютъ коснуться суши, какъ они вкусятъ твоихъ снадобій, не такъ старикъ —отецъ жаждетъ увидать цѣлое поколѣніе сыновей, пробывшее на чужбинѣ, какъ этотъ своенравный городъ узрѣть твою главу, не такъ томящіеся въ рабствѣ ждуть, чтобы пришла къ нимъ помощь Геракла, какъ мы, чтобы царская власть, прежде малая размѣрами, распространилась на все государство.

48. А когда прежнее владычество прекратилось, твое же возрасло и пора давала возможность проявить свое мнѣ-

ніе, боги услышали влечь, какого раньше не бывало, при чемъ мужи наполнили не только театръ, но и склоны горы, а женщины, по своему обычаю, каждая присоединяла свое слово-слово изъ дому. 49. Подъ влияніемъ того, что здѣсь происходило, даже если кто бредилъ еще о какомъ ниб. переворотѣ, отказался отъ своей надежды и на берегу Оронта давалъ влечку чтить твою власть, и войско, и теченіе рѣки, сказалъ бы поэтъ, двигалось въ весельи.

50. Изъ сказаннаго одно всѣми признано, относительно другого повѣрь мнѣ. Одному человѣку предстояло въ Ефесѣ поплатиться за преданность къ тебѣ и здѣсь кое-кто былъ въ подозрѣніи и опасался ареста. Были и здѣсь оповѣстители твоихъ природныхъ качествъ, сообщавшіе новости, въ какія были посвящены, и много находили послѣдователей, чаруемыхъ любовью къ тебѣ.

51. Хочешь, позову въ свидѣтели тому лицу, которое давно почтено тобою домою, потомъ письмами, наконецъ, теперь властью? ¹⁾ Или и мнѣ, и свидѣтелю вредить то, что мы оба граждане (Антіохіи)? Немалочисленны, государь, мы и родственники, но все же пусть никогда не преклоняемся мы ни предъ отечествомъ, ни передъ родомъ, чтобы ставить ихъ выше истины и тебя.

52. Да что тратить время на то, чему есть самый вѣрный свидѣтель, котораго одного изъ всѣхъ ты не могъ бы отринуть? О комъ же это я говорю? О тебѣ самомъ. Вѣдь и раньше, высказывая предо мною нѣкій упрекъ по адресу города, ты сказалъ: „А я задумывалъ превратить его въ мраморный“. Такъ сказалъ ты подлинными словами. И такъ ты былъ, любя. Если любилъ, одобрилъ. Одобрялъ же не враждебный тебѣ городъ, но въ отплату за его приверженность. Вѣдь отношенія на Востокѣ не были скрыты отъ тебя, пока ты пребывалъ на Западѣ, не скрыто было и то, кто предпочиталъ худшее, кто жаждалъ лучшаго. И такъ та красота, какую ты готовилъ городу, была свидѣтельствомъ того, что городъ сталъ на твою сторону.

53. Можетъ быть, кто ниб. въ числѣ прочаго сообщилъ тебѣ, что еще много большихъ храмовъ стоитъ у насъ, что

¹⁾ Здѣсь разумѣется Цезарь, срв. ер. 628 (*Sievers*, 90).

для тебя служило признакомъ благочестія жителей, такъ какъ желающіе разрушить были, но не лежавшіе въ развалинахъ храмы были спасены, очевидно, борьбою съ ними тѣхъ, которые были противъ разрушенія.

54. Что же? Все это сотремъ, въ виду одного этого проступка, и отъ тѣхъ фактовъ, которые показываютъ добрыя качества, останется только поступокъ, объясняемый нерадѣніемъ? Суди наше дѣло, какъ лакедемонцы. Направляя свое слѣдствіе въ ту и другую стороны, дай перевѣсъ большому числу. Вспомни собственное правило о лгунахъ: „Если, говорится въ немъ, кто нибудь изъ бесѣдующихъ со мною солжетъ разъ, я снесу. Если осмѣлится на это вторично, и это стерплю. Если и въ третій разъ будетъ уличенъ въ томъ, что говорить неправду, еще не становится ненавистнымъ. Но прибавь онъ ложь въ четвертый разъ, онъ изгоняется“. Но намъ хоть не три раза даруй извиненіе, но одинъ только, сейчасъ. Затѣмъ мы будемъ вести себя безукоризненно, въ твоихъ глазахъ. Вѣдь настоящая скорбь побудитъ къ отрезвленію.

55. Затѣмъ ты скажешь: „Чего именно вы боитесь? Какой конфискаціи имущества? Какой ссуды? Какихъ казней?“ Ты шутишь, государь, предъ людьми въ несчастіи. Что говоришь ты? Ты не конфискуешь, не казнишь, не ссылаешь, но ты ненавидишь, считаешь врагами и покидаешь. Это — величайшее наказаніе. Въ одно и то же время ты тѣмъ во всеуслышаніе провозглашаешь много обвиненій противъ города, что „я бѣгу отъ города, преисполненнаго всякихъ пороковъ, своеволія, пьянства, невоздержности, нечестія, корыстолюбія, дерзости, и переселяюсь въ меньшій городъ, отчаявшись въ характерѣ болѣе сильнаго“.

56. Такимъ образомъ, еще при жизни прямо пригвождая насъ къ позорному столбу, воображаешь ли ты, что скроешь, за что наказуешь, какъ если бы, выпустивъ противъ меня сегодня рѣчь, что я величайшій нечестивецъ и твой врагъ, ты затѣмъ пожелалъ бы, чтобы я былъ признателемъ тебѣ, если не поплатился жизнью? А я бы сказала тебѣ: „Ты иронизируешь, государь, и изобрѣта кару, пущую смерти, затушевываешь дѣйствительность названіемъ. Избавь меня отъ подобныхъ милостей и, превращая жизнь въ позоръ мнѣ, не давай жить, но распни, утопи. Пусть меня злословитъ любой

безъ того, чтобы я это слышалъ, теперь же, развѣ не для того освободишь ты меня отъ казни, чтобы чувствительнѣе огорчить? Бываетъ, государь, и жизнь горше смерти“.

57. Можетъ быть, и городъ говорить тебѣ: „Конфискуй, казни. Если хочешь, срой до основанія. То одного дня скорбь, а сейчасъ какъ снесу кару, которая становится длительной?“ Городъ профанированъ, какъ гавань Кирры, завлать, какъ тотъ пеласгійскій околодокъ, и намъ грозитъ сегодня потеря свободы слова. Какъ одинъ человѣкъ, уличенный въ зазорной нравственности, теряетъ права гражданства, такъ нашъ городъ, если ты сохранишь свой гнѣвъ,—безгласенъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же и передъ кѣмъ станемъ мы величаться, или передъ людьми, къ намъ являющимися, или сами являясь къ другимъ? Заперта будетъ для насъ всякая гавань, всякій материкъ, всякій родъ, и отправляющимся на чужбину придется скрывать, откуда они, и выдумывать себѣ отечества.

58. Для убійцъ изобрѣтены очистительные обряды, уничтожающіе оскверненіе, и если кто, покинувъ страну потерпѣвшаго, бѣжитъ въ другое мѣсто, онъ находитъ лицо, которое ему поможетъ и облегчитъ его положеніе, а наша бѣда всюду найдетъ себѣ враговъ и твоей враждѣ будетъ подражать вселенная, и если явится къ намъ какой либо чужеземецъ, онъ промчится по городу, словно по зачумленному.

59. Не укроется это ни отъ обоихъ племенъ эеіоповъ, ни отъ кельтовъ, ни отъ скивовъ, ни отъ персовъ, которые остаются. Извѣстность гнѣвающегося не позволяетъ возбудившимъ ненависть остаться незамѣченными, а, сверхъ того, и величина ненавидимаго города вызываетъ много толковъ. Вѣдь если мы погрѣшили, мы и осуждены. Но мы числимся въ ряду городовъ, слѣдующихъ за двумя первыми, и быть оставленнымъ—въ убытокъ городу, такъ что участь, какая, говорятъ, постигла Каллисена, погибнуть отъ голода ненавидимымъ, приключится и намъ, если мы появимся въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ всякій насъ будетъ толкать, извергать, гнать.

60. И еще не такъ значительно будетъ то, что постигнетъ немногихъ, приходящихъ въ другую область, но неизбежно цѣлому городу лишиться прочнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, какъ таковымъ, невозможно быть неизмѣнно счастливыми, но и голодъ, и повальная болѣзнь, и

еще болѣе грозныя бѣдствія отъ землетрясеній поражаютъ города. Въ такихъ обстоятельствахъ одно снадобье постигнутымъ бѣдствіемъ—готовность сосѣдей помочь. Если отнимешь ее, ты отнялъ единственную надежду. Какимъ же образомъ она устранивается. Если пострадавшіе будутъ считаться негодными людьми. Надъ такими всѣ привыкли злорадствовать, а не помогать имъ. 61. Итакъ ты валожилъ на насъ малое взысканіе и такое, какое легко снести, вызывая на насъ общую войну всѣхъ людей, благодаря коей, пока городъ остается благополучнымъ, ему придется переживать униженіе, а, случится съ нимъ бѣда, не будетъ у него, къ кому обратиться за помощью.

62. Пусть такъ. Таковы будутъ отношенія къ намъ сосѣдей и прочихъ людей. Но дѣти твои и внуки, думаешь ты, не унаслѣдуютъ отъ тебя вмѣстѣ съ властью ненависть къ нашему городу, и прочіе города будутъ чтить, а этотъ лишать почета и всячески вредить ему? 63. Да, пока будетъ держаться настоящій государственный строй, я полагаю, вѣчной¹⁾ будетъ оставаться ненависть къ городу каждаго новаго владыки, и если въ нашемъ бѣдственномъ положеніи раздастся голосъ нашего страданія, тотчасъ явится упрекъ тотъ, что нынѣ: „Не они ли ввели во гнѣвъ самаго кроткаго государя, содѣлали свой городъ ему непріятнымъ и заставили его искать другихъ мѣстъ для зимней стоянки? Послѣ этого тѣ, кому давно слѣдовало погибнуть, неужто не по заслугамъ пострадали, если у нихъ отнята возможность роскошествовать? Развѣ не сдѣлаетъ любой изъ великаго малымъ своевольный городъ, бѣдняками изъ богатыхъ?“ 64. Итакъ, посѣвая неустанную ненависть къ намъ, благодаря коей всѣ префекты, всѣ правители будутъ къ намъ враждебны, въ видахъ уголить государямъ нашими бѣдствіями, возьмешься ли убѣждать, что это не наказаніе? Что же скажемъ на вопросъ: „отчего вы ненавидимы?“ На тебя ли перенесемъ вину? Но твоя натура не допускаетъ упрека и добродѣтель осудившаго говорить противъ обвиняемыхъ.

65. Какъ молчатъ изгоняемые изъ храмовъ путемъ орაკуловъ богами, какъ уличенные всевѣдущими, такъ тѣ, которыхъ ты помянешь, какъ порочныхъ, не могутъ говорить, что на нихъ клеветуютъ. Итакъ, государь, мы обвинены твоими достоинствами. А ты никого изъ насъ да не казнишь,

да не лишись ни имущества, ни отечества, и да не станешь ты изъ прежняго другимъ.

66. Я вижу, что въ подобныхъ испытаніяхъ община избѣгаетъ обвиненій въ проступкахъ, которые тяготѣютъ на потерпѣвшихъ, а то, что ты хочешь дѣлать, обрекаетъ варѣ цѣлый городъ. Одно значить, что въ честномъ городѣ явилось нѣсколько негодныхъ людей. другое, что порочность распространилась на весь городъ.

67. Удивляюсь, если тебѣ кажется страннымъ, что города, которымъ выпало на долю долгое время имѣть такого учителя, не обладаютъ надлежащимъ строемъ. Не все ли полно было безпорядка, нерадѣнія, небреженія? Законы не были ли бесполезною бумвою, должности не продавались ли, людямъ подвластнымъ не удавалось ли торжествовать надъ правителями, съ вечера посылая дары, а съ зарею чуть не подвергая ихъ ударамъ? Развѣ справедливое управленіе не было предметомъ насмѣшки, а взяточничество не одобрялось? Развѣ дѣло долга не впало въ безсиліе, а не приобрѣтало силу все, что хотѣлось, развѣ не былъ властенъ безсовѣстный человѣкъ остаться безнаказаннымъ? 68. Что же удивительнаго, если при такомъ произволѣ, предоставленномъ безчестности, нравамъ городовъ пора эта причиняла порчу? Или ученикамъ плохихъ софистовъ невозможно стать хорошими мастерами слова ¹⁾, а въ царствованіе бездѣтельнаго ²⁾ человѣка вселенной можно быть нравственной? И неумѣнье пастуховъ губить стада, а безпечность царей воспитываетъ города? Какого приставишь къ коньямъ возницу, такой, жди, будетъ у тебя и колесница. 69. Почему же мы теперь считаемъ страну счастливою? Это потому, что въ леченію ея приступилъ искуснѣйшій врачъ. Итакъ мы радуемся въ ожиданіи, что онъ измѣнитъ нравы городовъ и сдѣлаетъ ихъ лучшими. Что же удивляться, если ты засталъ недостатки, устраненіе коихъ твоя слава? Иной уже покупалъ плохо выдрессированнаго коня, въ увѣренности, что исправитъ своимъ умѣньемъ. Такимъ образомъ, если бы онъ, впервые осѣдлавъ его, тотчасъ сталъ сердиться, замѣчая,

¹⁾ *τεχνίται*, срв. письма—энком. стр. 5.

²⁾ *ἄπληλός* см. поясненіе рпк. В², срв. *καθεύδω*, въ значеніи этого глагола у Либанія.

что онъ не чуждъ недостатковъ, развѣ тебѣ не представляется что, получи конь голосъ отъ Геры, справедливо услыхаль бы этотъ человекъ такия его слова: „Зная это, ты, однако, купишь, и съ увѣренностью умѣниемъ, какимъ обладаешь, отучить отъ непослушанія. А для воспитанія нужно время и упражненіе, въ теченіе коихъ, быть можетъ, я исправлюсь“.

70. Мы всѣ жили, государь, распушено въ прежнее царствованіе. Вступили теперь подъ иго болѣе строгое. Попытаемся нести его. Прости малую вину и сдѣлаешь насъ лучшими, чѣмъ чтобы намъ нуждаться въ прощеніи. И что мы не просимъ чего либо необычайнаго и ты уже былъ на сторонѣ прощенія, для этого вспомни о томъ днѣ, когда ты называлъ насъ безчестными и желалъ спасти. „Они погрѣшили, но пускай получаютъ пропитаніе. Они причинили неприятность, но пусть не голодаютъ. Дай тысячу мѣръ и прибавь три тысячи“.

71. Это были слова смягчившагося, слова не окончательного ненавидящаго, слова ожидающаго переменны. Вѣдь ты не сталъ бы усердно беречь городъ, неизлечимо испорченный, если и этотъ поступокъ не былъ дѣломъ ненавидящаго—мѣропріятія въ защиту отъ чрезмѣрныхъ ливней и спасенія земли отъ опасностей, грозящихъ отсюда, когда тому проливному дождю ты подставилъ себя, находясь подъ открытымъ небомъ, у жертвенника¹⁾, въ то время какъ прочіе, собравшись подъ крышей новой постройки, боялись, какъ бы, помогая плодамъ земли, ты самъ не ощутилъ нужды во врачѣ, но ничто тебя не отвратило отъ помощи.

72. Вотъ какъ ты пренебрегалъ городомъ. Въ пользу него ты добавилъ и слѣдующее, я слышаль: Ты вопрошалъ боговъ, доживемъ ли мы до лѣта безмятежно, принявъ рѣшеніе, если бы кто предчувствовалъ бѣду, отразить ее обычными у тебя мѣрами. Послѣ этого, въ пользу кого ты трудишься, чтобы они не погибли, тѣмъ замышляешь ли погибель въ ихъ отчаяніи, и отъ голода избавляешь, а скорбямъ предаешь? И хочешь, чтобы городъ оставался, какъ весьма годный, а покрываешь его стыдомъ, какъ ничего не стоящій?

73. „Но во всякомъ случаѣ намъ надлежитъ заплатиться“. Наказаніе мы претерпѣли, государь, и при томъ значительное

¹⁾ Срв. т. I, стр. 358, orat. XVIII, § 177.

и долгое, вотъ уже пятый мѣсяцъ этому наказанію. Стеная, угрюмые и унылые провели мы ихъ ничѣмъ не отрадѣе, чѣмъ заключенные въ тюрьмѣ, пораженные душою, съ облакомъ, застилающимъ лицо, подобные тѣмъ, кто оплачиваютъ безвременную кончину дѣтей, проливая слезы, рыдая, ненавидя самихъ себя, почву, воздухъ, воду, дома, избѣгая встрѣчныхъ, другъ друга, терзаясь ночью, скорбя днемъ.

74. Спасъ городъ Александръ, спасъ, иначе не могъ бы я выразиться, но жестокими словами, одними, брошенными въ лицо куріи, другими—зввившими народъ, не за ежедневные проступки,—вѣдь всякій убѣждалъ себя соблюдать порядокъ, но за тотъ одинъ, раздражившій тебя, и въ собраніи всѣхъ людей съ прочими былъ ты милостивъ, а противъ насъ буйнѣ потока, такъ что жизнь для насъ за то время была жизнью киммерійцевъ, въ непрерывномъ мракѣ и ночи, и мы мнили, солнце для насъ уже не всходитъ.

75. Какой еще ищешь кары на людей, изведенныхъ скорбью? Дай же прошеніе, дай, государь, не за все подъ рядъ, а за проступокъ, связанный съ рынкомъ. А продержости во время процессіи ты давно высмѣялъ, а мы за нихъ взыщемъ, такъ какъ не перестанемъ выслѣживать проклятыхъ и недолго остается намъ захватить ихъ. Прости же, ради боговъ, ради демоновъ, ради трофеевъ, ради самой философіи. Ты являешься съ великихъ подвиговъ, пусть будетъ и этотъ твой подвигъ великъ. Увѣнчай побѣды милосердіемъ и не оставляй насъ однихъ плачущими среди общаго торжества всѣхъ людей.

76. „Мы—ненавистники тебя и твоего царствованія“. И это мы слышали, о, солнце! Когда твои успѣхи подвигались по твоему желанію, но еще не являлось вѣсти о событіяхъ, мы, все оставивъ, пребывали въ мольбахъ, дѣти, старики, женщины, сначала собираясь по отдѣльнымъ филамъ¹⁾, потомъ собравшись всѣ части города въ одну толпу, двигаясь по площади съ громкими молитвами, переходя за ворота съ еще большими, вращаясь на равнинѣ, гдѣ происходятъ военныя упражненія. Тѣ изъ насъ, которые въ познаніи божества имѣли дѣло съ жертвенниками, шли въ нимъ, всяческими

¹⁾ См. т. I. стр 147, примѣч.

способами умилоствляя тѣхъ, кто властны дать побѣду. Если это поступки ненавистниковъ, то каково же доказательство привязанности?

77. Но есть нѣкоторые недовольные кое-чѣмъ въ твоей дѣятельности. Вѣдь нѣкоторые и отцами недовольны. А могло ли бы быть что ниб. сладостнѣе родителей? А относительно тарсійцевъ каково твое настроеніе? Никто изъ нихъ не скажетъ какой либо грубости? Какой оракулъ въ томъ порукой? Что же, если какое либо слово вырвется у мѣлиа или кожевника, какое естественно возможно отъ нихъ? Будешь искать другого города и опять много? И вопросъ о томъ, гдѣ тебѣ слѣдуетъ зимовать, будетъ зависеть отъ подданныхъ? Да не будутъ они никогда имѣть столько силы. Но водворяйся среди желающихъ, на радость ихъ, среди нежелающихъ, чтобы они научились желать. Надо, чтобы исполняли долгъ, кто охотно, по доброй волѣ, кто неохотно, по принужденію.

78. Если бы ты былъ у насъ софистомъ, во всякомъ случаѣ былъ бы, если бы не былъ на своемъ величайшемъ и божественнѣйшемъ посту, ты сейчасъ соперничалъ бы со мною, затѣмъ кто ниб. изъ твоихъ учениковъ проявилъ бы лѣность, развѣ позволилъ бы ты? Невозможно. Но была бы пущена въ ходъ плетва ¹⁾. Такъ и теперь весь городъ пусть научится сносить пребываніе государя.

79. Но это относительно тѣхъ, кто подобнымъ тяготится, а мы, давно привышіе къ жизни съ государемъ, и теперь просимъ, чтобы насъ не лишили этой чести. Умоляетъ тебя городъ, содержащій родъ Инаха, заблудившійся въ поискахъ за Іо, умоляетъ городъ, содержащій часть аеинянъ, городъ македонянъ, городъ Александра, который прошелъ одинъ путь съ тобою: чьимъ источникомъ онъ восхитился, съ удовольствіемъ напился изъ него, умоляетъ тебя городъ, многихъ боговъ доставившій тебѣ въ помощники, коимъ ты принесъ жертву, коихъ ты призвалъ, съ которыми пошелъ въ походъ, Гермеса, Пана, Деметру, Ареса, Калліопу, Аполлона, Зевса, и того, что на вершинѣ горы ¹⁾, и того, что въ городѣ, къ которому ты вступилъ консуломъ, откуда вышелъ съ надеж-

¹⁾ См. т. I, стр. LXXII, стр. LXXXIV.

²⁾ Зевсъ Касійскій, см. т. I, стр. 451.

дой, которому сталъ должникомъ. Имѣю письмо твое, лежащее у бога. Приди принести жертву, отдай долгъ и, принеши оставайся, согласно установленному порядку.

80. Считай, что слышишь эти слова отъ нихъ самихъ. Можетъ быть, и видишь ихъ ¹⁾ стоящими вокругъ главы своего, Зевса, который, когда уже ты сражался, засталъ насъ въ трепетѣ, укрѣпилъ, ободрилъ явнымъ знаменіемъ. Оно было таково: Нѣкто, поймавъ на берегахъ озера лебедя, посвятилъ его богу. А онъ не лишенъ былъ крыльевъ, но потерялъ силу крыльевъ, какъ бываетъ съ лебедями, когда, лишившись свободы на болотахъ, они становятся ручными у людей.

81. Прочее время онъ пребывалъ на землѣ, не пробуя подняться въ высъ. Но когда приносили какую то жертву въ седьмой день въ началѣ мѣсяца, лишь огонь достигъ жертвы, лебедь, устремившись въ воздухъ, трижды облетѣвъ храмъ подъ самымъ карнизомъ, затѣмъ поднявшись высоко, направился въ востокъ. И тотчасъ поднялся крикъ радовавшихся, прыгающихъ, кувыркающихся при воспоминаніи о превращеніи Зевса, принявшаго видъ этой птицы, когда вступилъ въ связь съ Еленой, и всѣмъ представлялось, что онъ спѣшитъ, чтобы вмѣстѣ съ тобою извести персидскій народъ.

82. Онъ теперь говоритъ вмѣстѣ со мною, желая городу, чтобы произошло примиреніе съ нимъ, а мнѣ убѣдить въ мнѣніи, возникшемъ изъ того представленія. Не откажи же въ почтеніи и не унизь ритора, увѣнчаннаго твоимъ приговоромъ, ты далъ хлѣбъ, по моей просьбѣ, прекрати же, по моей просьбѣ, гнѣвъ. Не уставай возвеличивать челоуѣка, который не разъ отбивался отъ сна въ заботахъ о тебѣ, и не отправъ въ отечество безъ успѣха, понизшаго головою, краснѣющаго, пристыженнаго, совѣстящагося присутствующихъ гражданъ, совѣстящагося отсутствующихъ. 83. Когда слыша на встрѣчу мнѣ они спросятъ: „Убѣдили мы, посоль?“ что отвѣчу? Мнѣ понадобится тогда личина или, клянусь Зевсомъ, ночь для входа въ городъ, при чемъ пора эта скроетъ расцарапанную ланиту. Очутившись же дома, придется сидѣть взаперти, такъ какъ я не вынесу ихъ взоровъ; указывающихъ близкимъ на меня, потерпѣвшаго неудачу.

¹⁾ Срв. выше, XII, § 86.

84. Но вѣдь есть высокія горы, заросшія лѣсомъ, области, пещеры, хижины казихъ ниб. угольщиковъ. Къ нимъ пойду, переѣнивъ имя и измѣнивъ одежду и все, что можно въ наружности. Тамъ буду пребывать, въ пустынѣ, далеко отъ города, которому не смогу помочь.

85. Я былъ потомкомъ хореговъ, государь. Самому мнѣ быть хорегомъ воспрепятствовала судьба. Но постыдно жить, не будучи въ состояніи ничѣмъ благодѣтельствовать своему городу. Такъ какъ, слѣдовательно, я отсталъ отъ литургій доставляющихъ удовольствіе, сдѣлай меня ревностнымъ въ сажающей. 86. И пусть никто не говоритъ мнѣ о снаряженіи въ Киликіи. Захоти только, и все послѣдуетъ. Дѣло въ пяти дняхъ и немногихъ верблюдахъ. Ты видѣлъ насъ ослабѣвшими, посмотри и на окрѣпшихъ. Испытай урожай, разъ испыталъ обратное. Теперь ясно узнаешь, былъ ли тотъ случай дѣломъ низости или несчастья.

Къ Юліану за Аристофана (orat. XIV F).

1. Зная, государь, что ты осуждалъ большую низость тѣхъ, которые не защищаютъ друзей, будучи самъ другомъ коринтянину Аристофану и вида, что этотъ человекъ остатокъ надеждъ своихъ полагаетъ въ твоёмъ попеченіи, я счелъ нужнымъ держать о немъ рѣчь и помочь ему тѣмъ способомъ, какой въ моихъ силахъ. 2. Можетъ быть, и будетъ какой ниб. положительный результатъ отъ этихъ словъ и онъ достигнетъ своей пѣли, получивъ какую ниб. милость. Если же враждебность демона, благодаря коей онъ страдаетъ подъ гнетомъ многихъ бѣдствій, еще и теперь будетъ вредить ему, останется хоть тотъ результатъ, что своимъ рвеніемъ поддержи твоё доброе обо мнѣ мнѣніе, а ему будетъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что онъ не забытъ въ несчастьи друзьями.

3. Итакъ, если бы таѣтяжкая пора, въ счастью ¹⁾, не миновала, говорить было бы нечего, такъ какъ то время было

¹⁾ καλῶς ποῖον, также εὖ ποῖον часто у Либанія въ этомъ смыслѣ срв., напр., IV 323, 18 (orat. XVIII § 199), III 459, 16 (orat. XLIX § 14) см. ерр. 48. 255. 322. 324. 378. 533. 673. 680, vol. V 323, 15.